

A romantic couple is featured in a winter setting. The woman, with long, wavy red hair and blue eyes, wears a blue parka and looks directly at the camera. The man, with a beard and short dark hair, wears a dark olive-green parka with a fur collar and has his arms around her. They are standing in a snowy mountain landscape under a bright, hazy sky. The image is overlaid with a soft, dreamy light effect and small white specks, suggesting snow or a magical atmosphere.

Юлия
Резник

А в мечтах
ты моя

Юлия Резник

А в мечтах ты моя

Текст предоставлен правообладателем

Аннотация

Не каждому выпадает шанс вернуть первую любовь. Но подполковнику Семену Краснову повезло. Разыгравшаяся метель, попавшая в беду девушка, которая при более детальном осмотре оказалась той самой, несколько дней вместе с ней в плену у непогоды – и начало операции «воссоединение» положено. А там дело за малым. Нужно только расстроить свадьбу Дуни, убедить ее отказаться от работы мечты да переехать в город, в котором началась их история. И ради этого Краснов пойдёт на все...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	14
Глава 3	24
Глава 4	35
Глава 5	45
Глава 6	55
Глава 7	65
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Юлия Резник

А в мечтах ты моя

Глава 1

Такой снежной зимы, как в тот год, когда подполковник Семен Краснов вновь повстречался со своей школьной любовью, эти края не знали. Как и такого холода. Поэтому он никак не мог взять в толк, за каким чертом его салаг погна-ли на склон, а не внесли изменения в утвержденный им еще до его отъезда график подготовки. С поправкой, мать его, на метеоусловия.

А ведь Семена убеждали, что в новенький учебный центр сил специального назначения, который ему предложили возглавить, набрали отличных профессионалов. Лучших ин-структоров. В том числе по горной и альпинистской подго-товке. Угу, как бы ни так! Он тут уже почти год, и за это вре-мя с какими только идиотами ему ни приходилось сталки-ваться. Да Семен только за последний квартал уволил двоих. Потому как на деле оказалось, что ни хрена эти чиновники в высоких кабинетах в реальной жизни и боевой подготовке не понимали. Отличные профессионалы?! Да это же сади-сты натуральные. Потенциальные убийцы. На улице минус двадцать, чем выше в горы, тем холодней, ветер такой, что с

ног сдувает. А они... его... салаг, пацанов неоперившихся, в снарягу и на склон.

Чувствуя, что голова вот-вот лопнет от едва сдерживаемой ярости, Краснов бросил взгляд на навороченные армейские часы и поднес к губам рацию.

– База. Прием. Это Краснов. Доложите обстановку.

– Прием. Докладываем. Ребят собрали. Пробираются к базе. Как слышно?

– Вас понял. Возвращаюсь. Отбой.

Опустив рацию, Семен откинулся головой на спинку кресла. Обошлось. Слава богу. Он сжал переносицу большим и указательным пальцами и с остервенением потер. Интересно, чем бы дело закончилось, если бы его последняя встреча не отменилась? Это ж он в обход инструктора, отвечающего за альпинистскую подготовку, скомандовал отозвать ребят. А так бы...

Вдох – выдох. Почему-то контроль никак не хотел возвращаться. А ехать на базу... таким было плохой идеей. Вот Краснов и бездействовал, тогда как погода все сильнее портилась, и по большому счету ему нужно было рвать когти немедленно. Нет, он, конечно, передвигался по горам на добротном армейском вездеходе, но даже тот вряд ли ему помог бы, если бы дороги вконец замело. Главное – успокоиться.

Семен нажал на педаль и начал осторожный неторопливый спуск по узкому горному серпантину. Мело нещадно. Лохматые снежинки обезумевшими мотыльками бились в

лобовое стекло. Перед глазами от недосыпа мелькали точки. Где небо, где земля – было не разобрать. Белым-бело все. И даже очертания гор стерлись, растушевались в этом искрящемся белом, что в ярком свете фар выедал его воспаленные красные, как у летучей мыши, все от того же недосыпа глаза. А тут еще дворники, мерно стуча, убаюкивали. Чувствуя, что еще немного, и он просто выключится, Краснов потряс головой. Одной рукой удерживая руль, второй – потянулся за термосом с кофе. Не придумав лучшего способа не дать себя уснуть, запел:

– Мело-о-о, мело-о-о по всей земле. Во все пределы. Свеча горе-е-ела на столе-е-е, све-е-еча горела.

Хмыкнул от того, что в лирику потянуло. Ишь, подумать только – не Наутилус, не тебе Король и шут. Пугачёва. На стихи Пастернака. Наверное, репертуар метель наваяла. С трудом вписавшись в очередной крутой поворот, Краснов затормозил.

– Твою мать. Ну, только этого не хватало, – выругался, разглядывая гору снега, перегородившую дальнейший путь. Ну, что ж. О том, что высока вероятность схода лавин, информации не было. А это хоть и не лавина, так снежный обвал, но и он мог стать проблемой. Если не получится объехать. Понимая, что делать нечего, Семен натянул капюшон и толкнул тяжеленную дверь. В лицо тут же наотмашь ударил снег. Прикрываясь от непогоды плечом, Краснов осмотрелся. Между обрывом и образовавшейся снежной горой, веро-

ятно, можно было протиснуться. Если чуток отгрести ледяное крошево. Увязая едва ли не по колено, Краснов вернулся к машине, взял саперную лопату, не уверенный до конца, что откопаться получится быстро, но за неимением других идей приступил к работе. Даже пронизывающий сырой ветер не мог пробиться сквозь защиту отличной экипировки. А вот лицо заледенело довольно быстро. У него были и бафф, и балаклава. Краснов как раз раздумывал, а не утеплиться ли ему, когда лопата заскрежетала, разрывая тишину совсем уж неожиданным звуком. Будто по металлу.

– Твою мать! – повторил Краснов, наверное, девиз этого вечера. Стряхнул рукой снег. Ну, ведь так и есть – машина. – Эй! Есть кто живой?!

Тишина... Быстро-быстро орудуя лопатой, Краснов откопал дверь. Нашупал ручку и дернул. Но из-за удара, очевидно, повело стойки, и та ему не поддалась.

– Эй! Мужик... Кто-нибудь! Вы меня слышите? – И снова тихо. Как в гробу. – Тьфу, ты, Краснов, нашел, что ляпнуть.

Счистив ладонью снег, Семен посветил фонариком в окно, но из-за образовавшейся изнутри наледи ничего толком не смог рассмотреть. Если учесть, что наледь образуется, когда температура в салоне падает, машина заглохла достаточно давно. Не тратя даром и секунды времени, Краснов со всей дури ударил лопатой по стеклу, изнутри дверь хоть и с трудом, но открылась. Луч фонарика очертил линию, повторяя движения его тела, и замер. Водитель, точнее води-

тельница, или как там теперь говорят эти сумасшедшие феминистки, придумывая все новые и новые феминативы, лежала без сознания. Голова в шапке с помпоном была свешена на бок, а из-под нее на плечи и женскую грудь спадали шикарные рыжие волосы. Уже тогда что-то внутри кольнуло. Но Краснов принял свою реакцию на счет того, что пострадавшая оказалась женщиной. Баб всегда почему-то жалче. Интересно, кстати, что бы на этот счет сказали феминистки? И тут бы за равноправие рвали на себе волосы, или, может, все же в кои веки в их головах возобладал здравый смысл?

Господи, какая же дурь. Нашел о чем думать, в то время как руки отработанными до автоматизма движениями делали все, что надо. Обхватили сначала хрупкое запястье, а после, не обнаружив пульса, проскользнули под воротник. Убедившись, что пульс все-таки прослушивается, Семен понял и то, что в машине, к счастью, больше никого нет. Осторожно вытащил девушку на свет божий. Та весила не больше барана, ей богу. Не проблема для бойца, привыкшего к маршброскам в полной боевой выкладке. Продвижение усложнял разве что снег. И не думающая прекращаться вьюга.

Кое-как пробравшись к своему вездеходу, Семен открыл дверь, торопясь, затащил неподвижное тело на заднее сиденье. Перетряхнув рюкзак, достал тонкое термостойкое одеяло и закутал девчонку.

Вот и какого черта она тут оказалась? В такую погоду!
– Эй! Давай уже, приходи в себя. Нужно выпить горячего.

Слышишь?

Вопрос на миллион. Как будто от нее и впрямь что-то зависело. Ага. Он в отчаянии бросил взгляд через плечо. Нячиться с женщиной было совершенно некогда – дорогу все сильнее заметало.

– Эй! – легонько встряхнул.

Шапка, то ли пока он ее тащил, то ли пока тряс, соскользнула. Краснов потянулся вернуть ту на место и... застыл.

– Нет... – шепнул он. – Не может быть. Дуня? Дуня! – задрожав сильнее, вглядываясь в белоснежное бескровное лицо.

Так, бледность... Что означает бледность? Ну, во-первых, то, что рыжие никогда не загорают, Дуня так точно, а во-вторых, что у нее, вероятно, первая стадия гипотермии. Когда кровеносные сосуды сужаются, ограничивая приток крови к не очень-то важным органам. К коже или, там, всяким конечностям, экономя ресурс для работы сердца и мозга.

Кстати, что там с конечностями? Она почему-то была без перчаток. Вероятно, у руля был подогрев. И когда Дуню накрыло, та просто сразу же отключилась, не успев предпринять хоть какие-то меры для того, чтобы согреться в заглохшей и стремительно остывающей машине.

Это Семен отмечал как-то механически, на деле же целиком и полностью сосредоточившись на том, чтобы ей помочь. Мозг, как и всегда в минуты опасности, работал, будто суперкомпьютер, способный в доли секунд провести анализ бесчисленного количества возникнувших в голове вари-

антов, с тем, чтобы выбрать наиболее оптимальный случаю.

Краснов взял маленькие ладошки, подышал на них и стал осторожно, чтобы не повредить сосуды, растирать.

– Ч-что происходит?

Дуня открыла мутные глаза и уставилась на него... Узнавая? Или все-таки нет? Все же пятнадцать лет прошло. Он давно уже не тот мальчик, с которым она встречалась в выпускном классе. Гребаных пятнадцать лет.

Резко отвернувшись, Семен потянулся к термосу.

– На твою машину обрушилась гряда снега. Помяла здорово железо. Разбила стекло. Ты едва не замерзла. Вот, попей, чтобы согреться. – Краснов плеснул густого сладкого напитка в чашечку, с удивлением понимая, что какого-то черта его рука дрогнула, когда он попытался ту передать.

– Не-не удерж-жу. Т-тряс-сет сильно.

Трясет так, что зубы стучат. Чего уж. Сделав глубокий вдох, Семен одной рукой приобнял девушку, а второй – поднес к губам чашку. Даже крепкий аромат кофе не мог перебить нежный запах ее начавшей согреваться кожи. И аромат крови. А он откуда?

– Н-ничего н-не выйдет, – едва не заплакала Дуня, так и не сумев справиться с задачей. Трясло ее сильно. Как-то на одном из учений Краснов наблюдал у новенького бойца приступ ранее не выявленной эпилепсии. Вот примерно так это и выглядело, да.

– И все-таки попробуй. Тебе сейчас очень нужна глюко-

за. На мышечную дрожь уходит слишком много энергии. Ее следует восполнить, иначе худо придется.

Кое-как ей удалось сделать пару глотков. А потом еще.

– Дальше справишься сама? Мне нужно сесть за руль. Метель усиливается. Будем прорываться.

Дуня неуверенно качнула головой. Краснов закусил изнутри щеку. Нет, он, конечно, понимал, что рано или поздно они встретятся, он, может, только поэтому и согласился перебраться из столицы в родной город, через столько-то лет, но и в страшном сне не мог представить, какой будет эта встреча.

Вообще-то он заготовил целую речь.

– Ты можешь пошевелить ногами? – и нет, этот вопрос не оттуда. Хотя его можно было задать и при других обстоятельствах. Например, после жаркой проведенной с ней ночи...

– К-кажется, да.

– Это хорошо. Потому как, не понимая характера травм, человека лучше вообще не трогать. В смысле, до приезда медиков. Но если бы я тебя не вытащил, ты бы замерзла насмерть. Пришлось рисковать. – Говоря это, Краснов осторожно перебрался за руль. Тронулся, моля небо, чтобы независимая подвеска всех колес помогла ему пробиться. Если не до города с его больницами, то хотя бы до базы. Где тоже был какой-никакой док. Обычно молчаливый, он не знал, чем вызвана такая разговорчивость. Не иначе, как нервами.

Семен уставился в зеркало заднего вида. Дуня до сих пор дрожала. И... тихо всхлипывала.

– Что такое? – рыкнул Краснов, зависая одним колесом над пропастью.

– Б-болит.

– Что болит?

– П-пальцы. Н-на руках и ногах. Ужас-сно больно.

Семен сжал крепче руль. И затаил дыхание, протискиваясь все дальше.

– Это скоро пройдет. Ты держись, ага? И выпей кофе, если получится.

Что еще он мог ей сказать? Ничего. В том-то и дело. Что она думала по этому поводу? Он не знал. Ни черта ведь не было видно. И уж тем более ее, на заднем сиденье. Так, лишь очертания фигуры.

Наконец он объехал снежный завал, и дальше стало проще. Насколько простой может быть езда в снежный буран по горной дороге, когда из-за мыслей и неожиданно проснувшихся чувств на ней почти невозможно сосредоточиться. И вообще...

– Эй, Дуня...

Молчание. Уснула она, что ли? Это плохо или хорошо? Тревога, какой он давно уже не испытывал, а может, и никогда, сковала затылок и перекинулась на тело ознобом.

– Нет. Нет. Быть не может, – раздался с заднего сиденья глубокий медовый голос. Чуть более сиплый, чем он запом-

нил.

– Чего не может быть? – переспросил Краснов, безуспешно всматриваясь в темную фигуру, свернувшуюся в калачик на заднем сиденье.

– Тебя. Это – галлюцинация. Опять галлюцинация. Или ты мне снишься?

Не выдержав, Краснов включил свет в салоне аккурат в тот момент, когда Дуня, изменив позу, чуть приподнялась на локтях. Их взгляды встретились в зеркале.

– Снишься, – уверенно кивнула она и, вновь отключившись, тяжело опустилась обратно.

Глава 2

– В кошмарах? – он хотел спросить, но в последний момент удержался. Глупо это было, спустя столько лет. Хотя, наверное, ему стоило извиниться. Для себя, в первую очередь. Чтобы легче стало. Ну, и потому что он действительно сплоховал.

А метель все усиливалась... Видимость вообще нулевая. Он боялся пропустить поворот. Поэтому заставил себя переключиться и сосредоточиться на дороге. Огни базы Краснов увидел, лишь когда едва не снес ворота на въезде. А до этого мог лишь надеяться, что едет в верном направлении. Краснов поморщился, выбираясь из салона. Он всю задницу себе отбил, пока доехал. Все же в его средстве передвижения был один несомненный минус – о комфорте вояк разработчики вездехода беспокоились меньше всего. Но он-то что? Он – бывалый. А Дуня?

– Товарищ подполковник! Разрешите доложить! – через бурю навстречу Семену бросился часовой.

– Докладывай.

– Товарищ подполковник, первый отряд благополучно прибыл в расположение части после проведенного учения в горах.

Краснов отрывисто кивнул. Во-первых, потому что он это уже слышал. Во-вторых, Дуня дала ему недостающий повод

отвлечься.

Не глядя на пригибающегося от ветра бойца, Краснов распахнул заднюю дверь. Его пассажирка так больше и не пришла в себя. И он все сильнее волновался. Оглянулся через плечо, раздумывая, не попробовать ли ему все же прорваться в город? Но тут же понял – это гиблое дело, и проорал:

– Вольно, лейтенант.

Орать приходилось, чтобы в оглушительном реве ветра можно было разобрать сказанное. Осторожно вытащив отяжелевшее тело из салона, Краснов нежно прижал к себе голову девушки. – Ступай к входу. Я пойду по твоим следам. Если начну заваливаться, подхватишь меня, – просипел он.

– Вас понял!

Ноги увязали в рыхлом снегу. Но с его подготовкой и чувством равновесия вероятность падения стремилась к нулю. Что, впрочем, не мешало Семену перестраховаться. Попад в тепло помещения, Краснов шумно выдохнул. Навстречу ему из кабинета выскочил зам.

– Какого... – выпучил глаза, увидев девушку в руках командира. – Потеряшка? Здесь?! В такую погоду?

– Ага. Ее машину привалило. Пошли кого-нибудь за доком. И Бурмистрова ко мне на ковер.

– Санчасть в другом направлении, товарищ подполковник, – решил поофициозничать Гуров.

– Ты хочешь, чтобы я девочку бросил перед изголодавшимися по бабе бойцами?

Отмазка так себе, конечно. Особенно учитывая, что эти самые изголодавшиеся уже высунули свои длинные любопытные носы. Хотя Семен никого из них так и не увидел, чужое присутствие он чувствовал кожей. Пофигу. Краснов даже не притормозил.

У него, как у главного здесь, был свой уголок. Ничего особенного, две комнаты. Спальня и что-то вроде кухни-гостиной. Туда он и направился. Открыл дверь, не разуваясь, прошел через большую комнату к той, что поменьше, и опустил Дуню на кровать. Какой же маленькой и беззащитной она на ней выглядела. Какой трогательно юной.

Краснов включил прикроватную лампу. Спohватившись, взял Дунину аккуратную ножку в ботинке, расшнуровал. Снял вместе с носком. Ее ноги были все еще прохладными, но кожа имела более-менее здоровый оттенок. Краснов провел большим пальцем по высокому подъему. Растер. Стопу, пальцы. С красивым педикюром. Даже пяточки у нее были мягкие, как у ребенка. У него в груди защемило.

Чтобы отвлечься, Краснов замотал ноги Дуни пледом и накрыл ее одеялом. А после сел на тумбочку в изголовье и стал внимательно разглядывать. Кожа, как и в юности, у нее была изумительной. Чистой, без родинок. На ней даже поры, казалось, нельзя было разглядеть. И губы... Он ведь их целовал... когда-то. Веки – такие тонкие, что под ними видны голубоватые вены. И волосы... Шикарные, цвета осени. Поддавшись какой-то совершенно необъяснимой сентимен-

тальности, Краснов осторожно отвел от ее лица медные пряди и только тогда разглядел небольшой шрам у нее на виске. Тот шрам, который однажды ей чуть было не стоил жизни. Тот шрам, который появился не без его, Семена Краснова, участия.

Он с этой девочкой собирался связать свою жизнь... С ней он мечтал, строил планы. А потом все разрушилось. В один момент. И началась совсем другая история, в результате которой ее пришлось выдирать из сердца с мясом. Он с тех пор никого и никогда не любил так... до костей просто.

Прерывая его мысли, кто-то постучал в дверь.

– Войдите!

Краснов поднялся навстречу явившемуся врачу, пожилому подтянутому мужчине.

– Что тут у нас?

Семен вкратце отрапортовал. Иван Сергеевич покивал, поцокал языком. После измерил температуру и давление. И приступил к осмотру кожных покровов. Краснов пытался проявить хотя бы немного такта. Пробовал отвернуться и не смотреть, когда врач осторожно расстегнул пуговички на ее кофточке. Но ни черта у него не вышло. И сколько бы он себя ни ругал, сколько ни обзывал извращенцем, в такой-то ситуации на нее пялиться, заставить себя отвернуться Семен так и не смог.

– Ну, что... Кожные покровы нормальные. Серьезного обморожения я не вижу. Легкие тоже в порядке. И сердце, –

кивнул своим мыслям Иван Сергеевич.

– Почему же... – Краснов облизал губы, бросая на ее грудь последний жадный взгляд, – почему же она не приходит в себя?

– Это сон. В ее случае – целебный. Сейчас поставим капельницу, и она проспит до утра.

– Капельницу?

– Так ведь глюкозу. – Иван Сергеевич резким движением вынул из ушей «слушалку». – Не лучше ли ее забрать в санчасть?

– Нет. Не хочу, чтобы посторонние бродили по базе.

А что? Вполне себе ничего оправдание.

– Хорошо. Тогда я принесу сюда?

Краснов кивнул. И нерешительно переступил с ноги на ногу. Теперь, когда он удостоверился, что Дуне ничего не угрожает, он должен был вернуться к делам. Тем более что те не ждали.

– Доложите, когда закончите, – скомандовал он и, не дожидаясь ответа, пошел прочь. Бурмистров – тот самый инструктор по альпинистской подготовке, ожидаемо находился уже в кабинете начальства. Рядом сидел Гуров.

– Капитан...

– Разрешите обратиться!

Сделав вид, что не расслышал, Краснов обошел девственно-пустой стол и уселся в кресло.

– Где ваш рапорт?

– О чем? Я выполнял план подготовки...

– В такую метель?!

– Тактико-специальная система подготовки направлена на наработку тактически верных действий, принятия правильных решений в условиях повышенного стресса и, заметьте, сложных погодных условий! – отрапортовал Бурмистров, даже не сбившись с дыхания. Что ж... Говорить он был мастак. У Семена дернулось веко. Понимая, что еще немного, и он просто вытрясет из этого мудака все дерьмо, Краснов с силой вдавил пальцы в крышку стола и перевел взгляд на маленькое вытянутое окошко под самым потолком. В желтом свете уличного фонаря снег кружил, как будто рой взбесившихся пчел.

– Вы проявили преступную халатность, поставив под угрозу жизни моих бойцов. Чудо, что никто не пострадал. В связи с этим объявляю вам строгий выговор и буду хлопотать о вашем переводе. Все ясно?

– Так точно, – выплюнул капитан.

– Свободен.

В нормальных условиях, конечно, все делается немного не так. Но это были необычные, мать его, условия.

– Урод, – не сдержался Краснов, как раз в тот момент, когда в кабинет заглянул Иван Сергеевич. Тот вздрогнул, ощутив исходящую от главного ярость, и даже попятился. – Все готово?

– Так точно.

– Я сейчас подойду.

Происшествие еще необходимо было как следует задокументировать. Полагаться на авось Краснов не привык. К тому же это был неплохой повод оттянуть время своего возвращения. Почему-то он был не готов встретиться с Дуней снова.

– Я тебе нужен?

С Гуровым Семен был на «ты», по крайней мере, с глазу на глаз. Тот был неплохим мужиком и отличным профессионалом. На восемь лет старше Краснова.

– Нет, майор. Иди, отдыхай.

Дождавшись, когда за Гуровым закроется дверь, Семен включил компьютер и принялся за работу. Но сосредоточиться было не так-то просто. Встреча с Дуней выбила его из колеи. Напомнила о том, о чем он не любил вспоминать. Свое голодное детство, пьющую гулящую мать, то ощущение собственной ненужности и обреченности, с которым он рос, и с которым практически сросся к моменту появления Дуни в их городе. Она провела здесь всего один год... Нет, меньше, каких-то девять месяцев – которых аккурат хватило, чтобы окончить одиннадцатый класс. Тютелька в тютельку. Но ему и этого времени оказалось вполне достаточно, чтобы влюбиться в нее беззаветно, как только в восемнадцать и можно. А потом уже нет.

Семен встал, провел по короткому ежику на голове размашистой крупной ладонью. Ну, надо же! Какого черта его

так пробрало? Ну, увиделись и увиделись. Чего уж? Он ведь знал, что она вернулась... И что ему уже ничего с ней не светит, знал тоже. Ну, во-первых, потому что с их последней встречи прошло полтора десятка лет. Чувства давным-давно притупились, остыли. А ко всему, она наверняка возненавидела его после того, что он сделал.

А во-вторых, Дуня собиралась замуж за другого. Об этом как-то упоминала их общая школьная подружка Юлька. Ну и, конечно, кольцо на пальце Дуни, которое Краснов сразу заметил, потому как, по роду деятельности, должен был сразу все подмечать, тоже было весьма красноречиво. Кстати, украшения уродливее Семену еще видеть не доводилось. Он тер ей руки, касаясь холодного ободка, и с трудом контролировал желание стащить то вовсе. Искушение сказать, что, видно, то потерялось в снегу, пока он вызволял ее и тащил к вездеходу, было практически таким же непреодолимым, как и идиотским. Краснов покачал головой, удивляясь тем глупостям, что лезут в голову. Свернул подготовленный документ, опустил крышку макбука и вышел из кабинета.

Дуня, как и прежде, спала. Почему-то только сейчас Краснов подумал о том, что ее уже наверняка хватились и теперь сходят с ума от беспокойства. Отец. Или жених. Или подружки... Хотя, может, и нет. Если они нечасто созваниваются. Семен достал из кармана мобильник. Связи, как он и думал, не было.

Может, попробовать связаться с той самой Юлькой через

интернет? Вот с кем Дуня наверняка общается по сто раз на дню. Ведь как раз благодаря Юльке она и вернулась в их края из столицы после такого длительного отсутствия. У них намечался и уже даже некоторым образом реализовывался огромный проект, в котором Дуня выступала в качестве архитектора. Подумать только, она добилась всего, о чем мечтала, ни на шаг не свернув с пути. Его же жизнь сделала грандиозный кульбит. Чтобы избежать тюрьмы, он был вынужден согласиться с предложением Дуниного отца и вместо того, чтобы уехать вместе с ней поступать в столичный ВУЗ, пошел в армию. Ну, а там его не на шутку закрутило.

Интересно, а она вообще знает, как сложилась его судьба? Им ведь даже парой слов не удалось обмолвиться после того ужасного случая на выпускном. Даже парой слов...

Краснов разделся, сходил в душ, а вернувшись в спальню, растерянно уставился на лежащую в его кровати женщину. А ведь он однажды чуть не стал причиной её смерти... Дело было на выпускном, ага... Пока он впервые любил Дуню на берегу, его мать в очередной раз перебрала. Это не понравилось ее сожителю. Тот вытащил ее из зала, чтобы было поменьше свидетелей, и стал избивать. Семен подрос, когда по лицу матери уже бежала кровь. И, наверное, даже логично, что у него упало забрало. С диким рыком Краснов бросился на обидчика. И все... Что происходило дальше, прошло, будто сквозь него. Менты, которые загребли Семёна, потом говорили, что он избил того урода едва ли не до смер-

ти. Но ему было на то плевать. Другое дело, что от его рук случайно пострадала Дуня. Глупенькая, она хотела его оттащить. А он... ослепленный яростью, даже не понял, что это его девочка. Краснов отшвырнул ее от себя, отбросил... едва не убив. Она даже провела некоторое время в коме. Упав и неудачно ударившись.

Краснов вздохнул. Растер лицо ладонями и лег поверх одеяла. Он просто полежит пять минут и уйдет.

Глава 3

Было так чудовищно жарко, что Дуня решила – она все-таки умерла и попала прямиком в ад. Интересно, почему так сразу? Разве их религия не предполагала некоторой отсрочки? А как же божий суд, как же двадцать мытарств?! Где ее адвокат – ангел? И прокурор – бес? Почему ей без суда и следствия выписали билет в одном направлении? Это же так нечестно!

Дуне стало ужасно жаль себя. Обостренное чувство справедливости не давало ей смириться с таким поворотом. Да, конечно, она не была праведницей, но и такой уж злодейкой не была. Часть своих доходов Дуня тратила на благотворительность. Раз в неделю волонтерила в центре для трудных подростков, по праздникам навещала одиноких стариков в доме престарелых, и еще... еще не стоит забывать, что она помогала выгуливать собак из приюта на Каменской.

Что же касается грехов, то тут ей и предъявить особенно нечего. Разве что любовь к красивой жизни, которая почему-то, вот хоть убейте, Дуня не видела в этом никакого смысла, порицалась религией. Что плохого в том, что она любит красивые вещи или вкусно поесть? Она же не ворует, не убивает, не врет. Зарабатывает... да, достаточно большие деньги. В конце концов, для этого она долго и упорно работала. Деньги не упали ей на голову с неба. Дуня здорово попотела,

чтобы оказаться там, где она есть сейчас.

«Ага. В аду...» – будто наяву зазвучал чей-то злорадный голос.

Нет! В смысле – в положении обеспеченной, самодостаточной женщины.

Которая умерла, ага. Перед лицом которой разверзается геенна огненная. И дышит... Дышит.

Какого черта?

Испытывая непреодолимый страх, Дуня попыталась пошевелить руками и ногами. Как-то она упустила момент, в загробном мире у людей (или в кого там они превращаются?) есть руки-ноги? По всему выходило, что так. Только под тяжестью чего-то... неподъемного изменить положение тела абсолютно не получалось. Дуня поняла, что задыхается. Вцепилась руками в навалившийся на нее пресс и, наконец, открыв глаза, утонула в чужом демоническом взгляде.

Ох, как же громко она завизжала!

– Эй! Ты чего?! Дуня, это я!

«Кто – я?! Кто – я?! Твой персональный черт-сопроводитель?!» – Дуня забилась изо всех сил. Щелкнул верхний свет. И одновременно с этим нечистая сила скрутила ее по рукам и ногам.

– Прекрати орать. Ты мне сейчас всю базу перебудишь, – шепнул демон ей в ухо. Жар его дыхания опалял. Так вот, что это было. Никакая не геенна огненная. Всего лишь его дыхание, да. От которого у нее волосы на затылке привстали,

чтоб выскочившим мурашкам было сподручней бежать.

– М-мне нечем д-дышать.

– Черт. Сейчас.

Он что, тут не один? Зовет напарника?

Мучитель Дуни откатился в сторону, и она с надсадным хрипом втянула воздух.

– Ты как? В порядке?

– Еще нет. М-можно, я не буду л-лизать сковородки п-прямо с-сейчас?

– Какие сковородки? – в голосе демона слышалось искреннее изумление.

– Р-раскаленные. Или у вас д-другие п-пытки заготовлены? Для них я еще тоже не вполне в форме.

– Да ты бредишь! – воскликнул демон и опять над нею навис, касаясь обжигающе горячего лба губами. Видеть она этого не видела, так как в страхе зажмурилась, но прочувствовала, кажется, каждой клеточкой. – У тебя температура. Ну-ка, давай поставим градусник.

Демон потянулся к пуговичкам на ее рубашке. Дуня, не успев обдумать то, что делает, ударила его по загребушим лапам и открыла глаза.

– Я же просто хотел температуру измерить, – насупился демон. А Дуня, как дурочка, раскрыла рот. Он ей ужасно напоминал...

– Семён? Ты что... ты тоже умер?

– Ну, почему же? Я – живее всех живых, – улыбнулся

тот. – А ты все-таки бредишь.

– Нет!

– Тогда, может быть, принимаешь наркотики?

– Что?!

Дуня привстала на локтях, возмущённая до глубины души таким предположением. Взгляд Семена скользнул к разошедшимся полочкам рубашки. Ей стало еще чуточку жарче. Дуня закусила губу и, смущаясь, осмотрелась по сторонам.

Если честно, ей казалось, что интерьер в аду должен быть несколько другим. Поинтересней, что ли? Как архитектору и человеку творческому, Дуне даже стало как-то обидно за такое пренебрежительное отношение к этому вопросу.

– Принимаешь наркотики. Что-то же должно было вызывать твои галлюцинации?

Жар, который ее донимал, чуточку схлынул, сконцентрировавшись в ногах. Дуня опустила взгляд и только тогда поняла, что ей жарко лишь от того, что кто-то ее закутал в два одеяла сразу. Она дернула ногами в попытке выпутаться из душного кокона, но получилось это у неё не сразу. Чтобы выиграть время, Дуня подняла руки и потрогала зачем-то лицо. Последнее, что она помнила, как медленно-медленно спускалась с горы на своем Мерседесе. А потом обвал и... все.

– Так я жива!

– А я тебе о чем толкую?

– Семен!

– Ну, наконец-то, – белозубо улыбнулся он. – Признала.

Привет-привет.

– Обалдеть. – Дуня вскочила на постели. Обхватила его мощные предплечья. Жадно шаря по изменившемуся, обострившемуся лицу взглядом. – Господи! Но как?

– Да вот так. Мимо ехал.

– Так это ты меня спас?! Ты?!

На ее требовательный вопрос Краснов лишь пожал плечами. Мол, подумаешь, невелико дело. Дуня опять растерла виски. Подумать только! Она жива... Жива! И кто ее спаситель? Ну, вот не шутка ли?

С опозданием Дуню накрыло паникой. Она с силой вжала ногти в мышцы на его руках, лбом коснулась груди и затряслась, как припадочная. Слезы брызнули из глаз. Господи, как же стыдно! Она тысячу раз представляла эту встречу. Сначала с замирающим от любви сердцем, потом страшно злясь, потом... злорадствуя, мол, вот... вот! Бросил ты меня? Бросил?! А я, посмотри, не умерла. Я дышу. Дышу полной грудью, живу. А по прошествии лет ведь тоже нет-нет, да и думала о нем. Особенно когда пришлось вернуться в эти края по работе. Но она и предположить не могла, что перед этой встречей чуть не умрет.

– Эй, ну ты чего ревешь?

– Я чуть не умерла! Имею право, – капризно скривила губы Дуня. Семен зарылся пальцами в ее волосы, заставляя чуть запрокинуть голову. Со своих восемнадцати, когда они виделись в последний раз, Дуня так и не подросла. А вот

Краснов, кажется, стал еще больше. И вверх он потянулся, и вширь. Прежней осталась разве что его пиратская улыбка. И настороженный взгляд.

– Не умерла бы.

– Откуда тебе знать? – шмыгнула носом.

– Я бы не позволил, – улыбнулся сухо и... осекся, изменившись в лице.

– Ты думаешь о том вечере, правда? – прошептала Дуня. О, сколько раз она хотела с ним это обсудить! Ей не дали такой возможности. Сначала она лежала в больнице, а потом... Потом он уехал в армию, и сколько она ни билась в попытке узнать, как он – ничего у неё не вышло.

Вместо того чтобы ответить на ее довольно прямой вопрос, Семен задал свой:

– Как ты себя чувствуешь? Кажешься горячей, но это, может, и от того, что я тебя закутал.

– Еще бы, – поддержала беседу ни о чем Дуня. – Я, когда пришла в себя, решила, что нахожусь в аду! Так мне было жарко.

Семен откинул голову и захохотал. Его темные волосы оставались все такими же густыми, но на висках уже пробились ранняя седина.

– Знаешь, думаю, большинство здешних обитателей с тобой согласились бы.

– С тем, что это – ад?

– Ага.

– А можно уточнить, где мы на самом деле? – Дуня снова огляделась по сторонам, отмечая идеальный порядок, царивший в комнате, и непритязательную обстановку.

– Мы в учебном центре сил специального назначения.

– Ух ты. Звучит внушительно.

Они уже так много друг другу сказали, но ничего из того, что хотелось. Или было на самом деле важно. Возможно, так происходило потому, что Дуне просто не верилось в реальность случившегося. А может, она просто боялась, что им совершенно не о чем говорить теперь, по прошествии пятнадцати лет.

– Наверное, ты права, – повел плечом Краснов. – Извини, здесь больше нигде было лечь. Думал, перекемарю немного, да срубило.

– Ничего. Это твоя постель.

К окончанию фразы она приобрела некоторую вопросительную интонацию.

– Ага. Моя. Мне положен угол здесь. Так что, пока нет своего жилья поблизости, приходится довольствоваться.

– Ясно.

– Надеюсь, с этим не будет проблем?

Дуня метнулась взглядом к его лицу. Невольно соскользнула ниже. По мощной колонне шеи к скульптурным мышцам на груди, обтянутой черной майкой. Интересно, он так проявил деликатность, или же всегда спит одетым? Если так, то это – большая потеря.

Господи, да о чем она думает?!

– Проблем? – пролепетала, испугавшись сама себя. – С чего бы?

– Ну-у-у, я слышал, ты замуж собралась. Твой мужчина не приревнует?

– О, господи! Вова...

Дуня всполошилась, не в силах и себе объяснить, какого черта не подумала о нем в первую очередь! Он же наверняка с ума сходит. Он... И отец! А у того, между прочим, в последнее время проблемы с сердцем. Ему нельзя волноваться!

– Мой телефон! Сумочка...

– Я все забрал. Но связи нет. И когда будет – неясно.

– Боже мой. Отец наверняка меня потерял. Что же делать?

– Попробуй связаться через интернет. На базу ведет отдельный оптоволоконный кабель. – Равнодушный к ее метаниям, Краснов вышел из комнаты и вскорости вернулся с ее сумочкой. Дуня вытряхнула содержимое на постель. Схватила новенький последней модели айфон.

– Сел! Да чтоб его... У тебя нет зарядки?

Краснов покачал головой и указал на лежащую на тумбочке кнопочную Нокию. Дуня моргнула. Seriously? Такими еще кто-то пользуется?

– Может быть, есть у кого-то из твоих...

– Подчиненных.

– Да.

– Нет. Ни у кого нет.

– Ни у кого нет айфона? – недоверчиво нахмурилась Ду-
ня. – Это что, какой-то секретный объект? – добавила, сдоб-
рив голос иронией. Она думала, Краснов рассмеется. Ну, или
хотя бы поддержит ее шутливый тон. Вместо этого он опять
пожал широкими плечами. И у нее пересохло в горле.

– То есть у тебя из-за меня будут проблемы? – поинтере-
совалась Дуня несколько сухо.

– Нет.

– Нет? – ей все сильнее хотелось спать, но и подробностей
хотелось. А еще поговорить с ним. Вернуться к прошлому,
которое для него, может, ничего и не стоит. Но для нее так
по-глупому до сих пор было важно, почему он с ней не свя-
зался? Почему не сообщил, в какой части служит? Неужели
не верил, что она сумеет его дождаться?

– Во мне слишком заинтересованы, чтобы усложнять мою
жизнь по пустякам.

Это она – пустяк? Или сама ситуация?

– Выходит, вон ты какой...

– Какой?

– Деловой. Так и хочется сказать – видишь, я всегда вери-
ла, что из тебя выйдет толк.

От непонятно откуда взявшейся горечи у Дуни стало щи-
пать в носу. Она отвернулась. Подошла к окну, за которым
из-за взбесившейся метели не было ничего видно.

– Да. Только ты в меня и верила.

В голосе Краснова Дуне почудилась ирония, за которой

пряталось что-то еще. То, что заставило ее обернуться. И застыть, придавленной его тяжелым взглядом. И вот так они стояли... стояли, а бог его знает, сколько? Пока у нее не закончились силы это все выносить.

Почему ты бросил меня? Почему ты так легко меня бросил?!

И важно ли это теперь, когда прошло столько лет, когда у каждого своя жизнь, свой мир, восстановленный по кирпичику...

– Я очень рада, что у тебя все хорошо.

– Да. У тебя тоже, насколько я знаю. Сбылись все мечты?

Да. Нет... Ни черта... Моей главной мечтой был ты. Ты... ты у меня не сбылся.

– Более-менее. Слушай, очень хочется спать. Я не могла бы...

– Да, конечно. Постараюсь на тебя больше не наваливаться, – криво улыбнулся Краснов.

– Эм... – он же не планирует снова к ней лечь?

– Что-то не так? Я бы лег на диване, но тот короткий, и ноги совсем не помещаются.

Дуня покрутила в руках телефон. Вскинула ресницы. Он смотрел на нее... как-то насмешливо, что ли? Как на трусиху. И это, конечно, было ужасно глупо, но его взгляд подстегнул.

– Ничего. На этот раз я лягу поверх одеяла. Спокойной ночи.

– Спокойной ночи, – повторил эхом Краснов, выключая основное освещение.

– И... спасибо за все. Если бы не ты, меня бы уже, наверное, и не было.

Дуня думала, он попытается опровергнуть ее слова. Сказав, что ее проблема была не такой уж серьезной. А вместо этого Краснов горько заметил:

– Один-один.

– Что?

– Один раз я чуть не отнял у тебя жизнь. Теперь счет сравнялся.

Глава 4

В следующий раз Дуня проснулась одна. Открыла глаза – в окна с трудом пробивался тусклый серый свет. То ли рано еще было, то ли пасмурно. События минувшего дня возвращались к Дуне нехотя, но неумолимо. Она приподнялась на локтях и застонала от боли, что с силой пульсировала в висках. Тело ныло так, будто накануне его били палками. Дуня медленно-медленно села, подтянула колени к груди и обняла себя за ноги.

Невероятно. То, что с ней случилось, просто невероятно. Она могла умереть. Если бы не Семен. Интересно, что он делал на этой узкой дороге, ведущей к водопаду? Куда ехал? Она-то – понятно. Хотела еще раз прикинуть на местности концепцию проекта крытой террасы, которая обещала стать новой точкой притяжения для туристов, согласно их с Юлькой плану. Дуне хотелось максимально вписать ту в природный рельеф. У скандинавов такие проекты выходили отлично, вот, вдохновляясь ими, она и стремилась спроектировать что-то свое. Но пока получалась либо не слишком удачная копия, либо что-то чересчур футуристическое. Хотя, может, последнее и было не так уж плохо. В любом случае, этот проект давался ей тяжелей остальных. Но тем и был интереснее.

Кто ж знал, что для своей вылазки она выбрала такой неудачный момент? Эсэмэску от МЧС с предупреждением

о надвигающемся Армагеддоне Дуня прочитала, когда уже было поздно. Но даже тогда она не смогла оценить риски, как следует, беспечно понадеявшись на то, что ничего с ней, взрослой, самостоятельной женщиной не случится. Это вообще свойственно нашим людям – надеяться на авось. Всерьез тревожиться Дуня начала где-то минут через двадцать дороги. Вокруг – ни одной живой души, хотя обычно этот отрезок был достаточно оживленным, снегопад все усиливался, видимость падала. А ко всему, дело близилось к ночи. Вот-вот, и начало бы темнеть...

Но самый ужас случился, когда ее машину накрыло грудой камней и снега. И нет, Дуня отключилась не сразу в момент удара. Она успела испытать жуткий смертельный ужас погребенного заживо человека. Он-то, этот самый ужас, а во все не удар, и заставил ее отключиться. Чтобы теперь, спустя (Дуня бросила взгляд на электронные часы, стоящие на тумбочке у кровати) почти двенадцать часов, вернуться, кажется, со всей своей силой.

Чувствуя, как в глубине тела зарождается мерзкая дрожь, Дуня всхлипнула и вжалась в колени лбом. Не помогло. Это дрожание как будто разгоняло по телу боль, усиливая ее многократно. Всхлип перерос в тихий плач, в котором утонули звуки открывающейся двери и чужих шагов.

– Эй! Что такое? Ты почему плачешь?

Дуня пыталась, но не могла ответить. Наверное, ее накрыл адреналиновый откат, или как там это называется? Трясаясь,

будто в конвульсиях, она горько-горько плакала.

– Так. Отставить слезы. Я ж не смогу тебе помочь, если ты не расскажешь, какого черта случилось.

Эти слова заставили Дуню взглянуть на Краснова. Краснова! Ну, не ирония ли судьбы? Ага. Она опять задалась этим вопросом. Семён потянулся к тумбочке, поставил на нее поднос. Дуня смерила удивленным взглядом тарелку с какой-то кашей, стаканчик йогурта, оладьи и исходящую паром огромную чашку какао. И по какой-то странной причине заплакала еще горше.

– Так, я пойду за доктором, – нахмурился Краснов.

– Нет! Нет. Не надо. Я в порядке.

– Ты не в порядке, милая.

Милая... Он сказал «милая». Так ласково сказал. Дуня едва ли не до крови закусил губу. Может, если бы он перестал быть таким... милым, она бы успокоилась быстрее.

– Я просто вспомнила в-все, и...

– Тебя накрыло откатом.

– Д-да. И голова болит. Очень. Все тело, собственно, тоже.

– Ты истощена. Тебе нужно поесть. Жвачка у нас тут без изысков, но вполне съедобная. А я пока все же позову врача. Он даст тебе обезболивающее. Если можно.

Мысль об обезболивающем была ужасно заманчивой. Дуня в итоге нерешительно кивнула. Это было ошибкой – боль только усилилась.

– Ешь! – Семён ткнул пальцем в поднос и приложил труб-

ку к уху. – Иван Сергеевич, зайдите к нашей потеряшке. Девочка жалуется на сильную боль.

Дуня едва не подавилась первой же ложкой каши. Вкусной, кстати, овсяной, на хорошем молоке, с кусочком настоящего крестьянского масла.

– Девочка? – из-за слез, которые она с трудом в себе удерживала, вопрос Дуни больше походил на всхлип.

– Ну, не мальчик же.

– Мы с тобой одного возраста.

– Формально, да.

– А как еще?

– Никак. Не бери в голову. Ешь, а то остынет.

Дуня послушно отправила еще одну ложку в рот. Ее мутило. И хоть она понимала, что силы ей действительно нужны, впихнуть в себя еще хоть что-то у нее вряд ли бы получилось. Если только какао. Нетвердыми руками Дуня взяла чашку. Отпила. Еще спустя какое-то время в дверь постучали.

Пока врач, представившийся Иваном Сергеевичем, ее осматривал и слушал, Краснов тактично отошел и отвернулся к окну. Дуня вымученно улыбалась на шутки доктора, а сама глаз не сводила с широкой спины Семена, обтянутой кителем. Она не обратила внимания на его погоны, сначала ей было вообще не до этого. Но из разговоров их одноклассников знала, что Краснов – аж целый подполковник. И вообще легенда в здешних краях. Мысли о Семене разогнали охвативший ее в момент пробуждения ужас. Но посеяли в

Дуне страх иного порядка. Уж слишком глубоко он проник в ее мысли, как для человека, к которому она якобы равнодушна.

Девочка... Он назвал ее девочкой. Хотя она давно уже ей не была, он сам сделал из неё женщину. На выпускном. Неужели забыл? Или она для него той девочкой и осталась? А впрочем, не все ли равно? Наверное. Но что-то сердце расстроилось. Видимо, виной всему нервы.

– Если боль не уйдет, выпейте еще одну таблетку. Но больше – не нужно.

– Хорошо. Спасибо.

Приветливый доктор кивнул, улыбнулся напоследок и был таков. На несколько секунд в комнате установилась давящая на уши тишина.

– Я, наверное, буду собираться.

– Собираться?

– Угу. Может быть, ты мог бы подкинуть меня к машине? И вызвать эвакуатор.

До этого Семен стоял к ней в полупрофиль, а тут обернулся и так... изучающе прошелся взглядом по ее лицу.

– Подойди. – Голос человека, привыкшего отдавать приказы. Более глубокий и спокойный, чем она запомнила.

– З-зачем?

– Да не трус. Я тебя не съем.

Дуня зажмурилась. Прислушиваясь к себе, осторожно спустила ноги на пол. Таблетка еще не успела подействовать,

и каждый шаг отдавался в висках. В полуметре от Краснова Дуня покачнулась. Он успел ее подхватить. Прижал к своей каменно-твердой груди и неподвижно замер. Из такого положения Дуня могла видеть лишь нашивки на его кителе, туго застегнутый воротничок и венку, что с остервенением пульсировала прямо над ним. Вроде бы ничего такого. А у нее опять подкосились ноги.

– Ты что-то хотел мне показать?

– Ага. Собственно, вот...

Семен отошел на шаг, одной рукой придерживая ее, другой – взмахнул, будто описывая картинку за окном.

– До сих пор метет.

– И еще до вечера мести будет. Боюсь, мы в снежном плену. И бог его знает, когда из него выберемся. Хорошо, если завтра дороги начнут расчищать.

– Не может быть! Я не могу здесь оставаться! – в отчаянии Дуня коснулась щек. – Мои близкие сойдут с ума от беспокойства...

– Ах, да, – помрачнел Краснов. – Сейчас. Я ведь раздобыл зарядное. Ты сможешь предупредить кого нужно.

Семен ушел, Дуня проковыляла к кровати. Рухнула на нее, как подкошенная. Она бодрствовала не больше часа, а казалось, что прошло по меньшей мере часов пять – так она устала.

– Вот. Я сейчас подсоединю.

– Спасибо.

Дуня решила набрать первым отца. С тех пор, как в десятилетнем возрасте у нее умерла мать, отец взял на себя все заботы о дочери. Иногда он передавливал в своих попытках ее опекать, но Дуня не злилась.

– Папочка, привет. Как твои дела? – улыбнулась она, услышав бодрый голос на том конце связи. Заправила за ухо упавшие пряди волос и тут поняла, что Краснов и не думал уходить. Дуня насупилась, строго на него глядя. Тот развел руками, пробурчал что-то вроде «секретка» и совершенно бес тактно остался стоять, где был. По-видимому, большего ей не добиться – поняла Дуня. Закатила глаза и попыталась сосредоточиться на разговоре с отцом, который хоть и был взволнован, сильно ее не пытал. И ограничился объяснением о том, что из-за непогоды в их деревне возникли серьезные проблемы со связью. От иных подробностей Дуня воздержалась, побоявшись его волновать.

Они еще немного поболтали по поводу надвигающегося Нового года и распрощались. Следующим на очереди был ее жених, Владимир. Дуня бросила хмурый взгляд на Краснова, но тот, похоже, решил стоять рядом с ней, пока она не закончит. А потом что он, интересно, планировал делать? Отобрать у нее телефон? Дуня фыркнула. Секретка у него, видите ли. Как будто она вражеский шпион!

А тут еще Владимир, как назло, не отвечал... Дуня уже начала нервничать, когда, наконец, услышала его голос.

– Господи, Дунь, ты чего в такую рань звонишь? Который

час?

– Эм... Девятый. Прости, если разбудила.

– Да ничего. Мы вчера зависли на презентации Стройкома, потом поехали на афтепати в Глобус, а там Самойлов, ну, ты в курсе. Я еле выжил.

Вот как. А она-то думала, что Вовка сходит с ума... Что он поднял на уши МЧС, ментов и обзвонил все скорые и морги в округе.

– Что ж... Тогда ты в гораздо более выигрышном положении. Мой вечер прошел далеко не так весело.

Она не думала ему говорить, не желая тревожить, как и отца, но тут... Тут что-то подстегнуло. Выходит, он ей даже не позвонил. Или позвонил, а когда она не ответила, не то что не забил тревогу, но даже не напрягся. И Дуня не знала, что ее задевает сильнее. Нет, может, конечно, в этом ничего такого и не было... Но ведь задело! Особенно потому, что их разговор слышал Краснов. Почему-то от этого, да...

– Так, у меня сегодня две встречи в мэрии, я их отменить не могу, но, думаю, на вечерний рейс успею.

– Нет, что ты. Зачем? Я справлюсь, – пошла на попятный Дуня, ругая себя за поспешные выводы и глупую обиду. В голосе Чернова слышалось искреннее беспокойство. Она могла представить, как он ходит по кабинету, взволнованно ероша рукой модно подстриженные волосы...

– Ты уверена? – с сомнением поинтересовался он. – Перед Новым годом, конечно, много работы, но ты важнее.

– Я знаю, – Дуня растянула губы в улыбке и пригладила собравшиеся складочки на постели. – Я в порядке. И к тому же, думаю, из-за непогоды у нас не принимает аэропорт.

– И правда. Все рейсы отменены, – подтвердил Владимир со странными интонациями в голосе.

– Вот видишь. Торопиться абсолютно некуда, тем более что я сама в плену на этой военной базе.

– Это меня и беспокоит. Не могу представить тебя в обществе этих мужланов. Старайся держаться от них подальше. Мало ли, что у них на уме! – Дуня закусила губу и медленно подняла взгляд. Краснов стоял, иронично приподняв бровь. Она чуть со стыда не сгорела под его взглядом. – Как ты сказала, зовут их начальника? Я попробую связаться с министром...

– Не надо никакого министра! Ты что, Володь? Этот человек меня спас. Ты должен быть ему благодарен, а не вот это все.

– Спасла тебя хорошая машина. Не помнишь, часом, чей подарок?

– Помню прекрасно. Боюсь, ее не восстановить.

– Плевать. Хорошо, что деньгами взяли. Ой, детка, черт, мне пора собираться, если не хочу пропустить совещание в мэрии...

– Да-да, конечно. Я позже позвоню, если будет возможность.

– Отлично. Люблю тебя. Позвоню, как освобожусь.

Свои ответные «люблю» Дуня говорила уже в гудки оборвавшейся связи. Чувствуя на себе взгляд Краснова, она отложила телефон, стараясь не показать своего истинного настроения, схватила за чашку с какао, как в спасательный круг.

– Вовка не станет звонить министру, ты не волнуйся, – сказала зачем-то.

– Я не волнуюсь.

– Он просто переживает обо мне, вот и перегибает. К тому же он не знает, что ты – мой давний знакомый.

– А ты не спешишь его просвещать.

– Разве это важно?

– Не мне об этом судить. Но я бы на его месте напрягся.

– Из-за чего? Рядом с тобой мне ничего не угрожает.

– Ты ударила сильнее, чем я думал, если действительно так считаешь.

Глава 5

«Рядом с тобой мне ничего не угрожает», – вот она, оказывается, как считала. И эти простодушные слова... Они так же смешили Краснова, как и тревожили. Сам-то он так не считал. Практически сразу, еще там, в горах, когда Семен осознал, кто перед ним, когда понял, чья жизнь могла оборваться, так вот еще тогда к нему пришло удивительное осознание, что ему на нее не все равно. Даже теперь, столько лет спустя. Удивительное дело – ему на нее не все равно... У него, бывшего бойца суперзаскременной группы спецназа, взрослого мужика, имеющего огромный опыт участия в боевых операциях, повидавшего на своем веку столько горя, ужасов, предательства и смертей, что уже, казалось бы, ничем его не пробрать, откровенно тряслись поджилки, когда он продвигался с Дуней на руках к вездеходу. Ну и, чего греха таить – всю дорогу дальше. Отпустило Краснова, лишь когда Дуню осмотрел врач.

И после всего этого она думает, что ей в его обществе ничего не угрожает? Да как бы ни так.

– Ты ударилась сильнее, чем я думал, если действительно так считаешь.

Ладно... Возможно, этого говорить ей не стоило. Вон, как потрясенно расширились ее глаза, как округлились губы. Обычно мягкие, а теперь обветренные и потрескавшиеся.

ся. Да. Скорее всего, это было лишним. Но Краснов – человек военный. А значит, прямой. Сказал, что думал, как отрезал. И, наверное, хорошо, что Дуня не рискнула уточнить, что конкретно он имел в виду. Потому как у него самого не было ответа. Пока еще не было. С уверенностью Семен мог судить лишь об одном – рядом с ним в безопасности она не была и близко. Слишком много всего в нем всколыхнулось в ее присутствии. Слишком сбитым с толку он себя ощущал. Слишком сильно его к ней тянуло. Слишком он ревновал. Ее. К другому. Тому, у кого по факту на Дуню было гораздо больше прав. Тогда как он потерял на нее все права еще на школьном выпускном. С тех пор, кажется, прошла не одна жизнь. Все кардинально переменялось. И только она, похоже, оставалась все той же. Маленькой, худенькой, деятельной и как будто снова его... Лежа с ней в одной кровати, он, стыдно признаться, фантазировал на эту тему. Да-да, он зажимивался и представлял, что она – его. И что даже когда метель разожмет свои ледяные объятья, Дуня никуда с его базы не денется... И, черт возьми, какой же красивой была эта мечта! Какой манящей.

– Мне нужно вернуться к работе, – заметил сипло.

– Почему ты со мной не связался?!

Краснов застыл, так и не переступив порог. Память услужливо подбросила картинки из далекого прошлого. Она ведь о прошлом, не так ли? Выходит, и ее оно волнует? До сих пор? Поверить в это было сложно. И страшно. Семен

неопределенно пожал плечами.

Почему? Ну, во-первых, потому что, после освобождения из КПЗ, никто и не подумал вернуть ему телефон. Прежний номер восстановить сразу не получилось. Да и на новый аппарат денег категорически не было. А впрочем, наверное, это глупые отмазки. Ведь при желании он мог попросить трубку у кого-нибудь из сослуживцев. Вряд ли бы ему отказали. А там разыскать контакты Дуни через общих друзей и попробовать с ней связаться было бы нетрудно. Как и найтись в тогда еще только набирающем обороты мире социальных сетей.

Правда же в том, что он не считал себя вправе снова лезть в ее жизнь. Семен и до этого не слишком-то в себя верил, а тут еще отец Дуни подлил масла в огонь. Расписал в красках, какие та получила травмы. Припугнул, что она вообще могла умереть. Не из-за болезни там или несчастного случая. А из-за агрессивного несдержанного придурка, в которого Дуня имела несчастье влюбиться. В общем, теперь уж Краснов это понимал, Андрей Викторович бил весьма прицельно. Сразу по всем болевым точкам того запутавшегося в себе парня, которым он, несомненно, был. И если раньше отец Дуни довольно осторожно намекал на то, что рядом с Семеном его дочь не ждет ничего хорошего, то теперь, вроде как получив тому подтверждение, он не сдерживался. И добивал изощренно, с особой жестокостью, проходясь снова и снова по его и без того незаживающей от разъедающей ее вины ране.

– Думал, так будет лучше.

– Для кого?

– Для тебя.

– Ты ошибался. Я чувствовала себя преданной. И брошенной. Никогда в жизни мне не было так плохо.

– Я чуть тебя не убил! – рявкнул Семен, но вышло... как-то устало. Он уже и сам не знал, зачем вновь и вновь возвращался к этому. Скорее всего, для себя. Да-да, чтобы себе напомнить, почему поступил именно так, ведь чем больше проходило времени, тем сильнее он сомневался, что поступил правильно.

Может быть... Ему нужно было бороться? За себя. За нее. За них.

– Это был чертов несчастный случай! Я никогда тебя не винила. Господи, да ничего такого и не произошло.

– Ты провела в коме...

– Каких-то несколько часов!

Краснов вскинулся. Холодок прошелся затылком.

– Что?

– Пару часов! Невелико дело.

Семену сказали другое. И он поверил. Почему-то прямо сейчас ему хотелось рвать и метать. Крушить все, что попадётся под руку. Но главное, ему очень хотелось заглянуть в глаза одному мужчине... Хотя, господи, ну, что это меняет? Час она провела в коме или неделю?

– Твой отец сказал, что ты провела в коме несколько дней

и чуть не умерла, – эмоции, которых не должно было быть, рвали его на части. Чтобы не выйти из себя прямо при ней, потому как в последний раз, когда такое произошло, Дуня едва не погибла, Краснов коротко бросил: – Извини, у меня и впрямь много дел, – и вышел прочь. Аккуратно прикрыв за собой дверь квартирки, Краснов пронесся по коридору, толкнул дверь в кабинет. И что есть силы, ту за собой захлопнул. Не помогло. Он застыл, зажав переносицу между пальцами. Сделал несколько глубоких вдохов и, понимая, что, возможно, уже и впрямь опаздывает, покосился на часы. До начала тренировки оставалось меньше минуты. Из-за непогоды Краснову пришлось внести некоторые корректировки в изначальный план подготовки, так что сегодня у них по плану были занятия по рукопашному бою. По этому направлению он готовил своих ребят лично. Потому как был, без ложной скромности, одним из лучших. И бойцов, и инструкторов, соответственно. Не зря он в школе бегал в секцию тхэквондо. Впоследствии это ему пригодилось. Да к тому же оказалось, что у него просто уникальные способности ко всем видам единоборств. Он был одним из трех ему известных спецов, освоивших бесконтактную технику боя.

– Вольно! – отрезал Краснов, входя в кружок бойцов в одной майке и тренировочных штанах. Если те и удивились тому, как он вырядился – вида не подали. Обычно Краснов предпочитал вести занятия в форме, практически никогда не становясь в спарринг. Но тут... Тут захотелось размять-

ся и хоть так сбросить напряжение. На самом деле, обзывая салаг салагами – Краснов кривил душой. Все же его заботам были поручены не восемнадцатилетние призывники, а вполне состоявшиеся воины. Лучшие – каждый в своем направлении и роде. Так что, вполне возможно, ребятам удастся выбить из него дурь. Хотя и сомнительно... – По четыре. Начали... – скомандовал Краснов и, поскольку парни какого-то черта медлили, нетерпеливо взмахнул рукой. – Что такое, бойцы? Вы оглохли?

– Никак нет, товарищ подполковник.

«Устранив» за первые пару секунд двух из четырех нападающих, Семен рыкнул:

– Спарринг – это вам не бой в ринге. Это – система выживания. Абдулов, Савчук – убиты. И... Реутов.

Рукопашный бой – быстрый бой. И потому изматывающий. На третьем таком спарринге Краснова чуть отпустило. Он уработал еще четырех бойцов. Подал руку последнему, который держался лучше других. Коротко кивнул, выражая таким образом свое одобрение, и отошел в сторону.

– Какие ошибки вы сейчас наблюдали? – обвел взглядом бойцов, а увидел притаившуюся в дверях спортзала Дуню. – Обдумайте мой вопрос. Я сейчас...

Семен промаршировал через зал, вытеснил ее в коридор. Она отступила, как-то странно на него глядя.

– Мне нельзя было высываться?

– Ну, как сказать? Нежелательно. – Семен кивнул в сто-

рону лестницы.

– Мне было скучно. И любопытно.

– И как? Ты удовлетворила свое любопытство?

Дуня облизала губы. Откашлялась:

– Отчасти. Ты... ты ведь не преувеличивал, когда сказал, что являешься очень ценным кадром, да?

– А ты думала, я набиваю цену, желая произвести на тебя впечатление?

Глядя куда угодно, но не ему в глаза, Дуня медленно продвигалась по коридору. Семен решил, что она так и оставит его вопрос без ответа, но Дуня удивила его, заметив тихо:

– Ты бы в любом случае его произвел. И прекрасно знаешь это.

Краснова обожгло. Нежностью. Чем-то давно забытым.

– Дуня...

– Это ведь правда?

– Что именно?

– То, что ты мне рассказал про отца. Он действительно тебе сказал, что я умираю?

Краснов провел три спарринга в формате один на четверых и, похоже, даже не запыхался. А вот теперь, когда, казалось бы, для этого не осталось никаких достойных причин, сбился с дыхания. И воздуха стало резко мало. А тот, что уже находился в легких – жег.

– Какой мне смысл тебе врать?

– Чтобы выглядеть в моих глазах лучше?

– Мы же только что сошлись на том, что мне этого не требуется, – криво улыбаясь, напомнил он.

– А отцу? Зачем отцу было врать тебе? – в леденцовых глазах Дуни плескалось искреннее непонимание. И что-то еще. Такое болезненное, что у него свело, к чертям, зубы.

– Откуда мне знать? Спроси у него.

– Я у тебя спрашиваю!

Это было действительно странно – ворошить события давно минувших дней. Более странным было лишь то, что те события были до сих пор важны. Не только для него. Но и для нее тоже. Семен остановился у двери.

– Где ключ?

Дуня растерянно похлопала себя по карманам. Достала связку и отдала ему. Их пальцы на короткий миг соприкоснулись. И будто обжегшись, Дуня отдернула свою ладонь. Семен отвернулся, колдуя над замком.

– Можешь посмотреть телевизор.

– Посмотреть телевизор? – эхом повторила Дуня.

– Да. Если тебе скучно. Ближе к вечеру я свяжусь с дорожными службами и узнаю о том, какой у них план. А пока мне нужно работать.

– Но ты не ответил на мой вопрос. Зачем отец соврал?

– А ты сама не понимаешь?

Он в это не верил. Все она понимала прекрасно, просто боялась признать. Ведь это будет означать, что ее папаша не такой уж славный парень. Вряд ли она захочет снять розо-

вые очки. А Краснов... Слишком беспокоится о ее чувствах, чтобы разбить те острыми стеклами внутрь.

– Я хочу услышать твою версию, – голос Дуни немного дрожал. Наверное, происходящее между ними можно было списать на стресс. В конце концов, она едва не умерла. Объяснимыми были даже ее эмоции. Многие женщины начинали питать нечто такое к своим спасителям. Необъяснимо только одно. Как это работает в обратном направлении? Самого-то Краснова вообще до костей пробрало...

– Он хотел, чтобы я от тебя отстал, но прекрасно понимал, что никто в мире не сможет заставить меня отказаться от тебя и своих планов. Только если я сам решу, будто так будет для тебя лучше.

Дуня попятилась. Медленно сглотнула. Растерла виски.

– Мне не было лучше. Без тебя... мне не было лучше! Я ждала и ждала, что т-ты позвонишь. А потом, когда смогла вырваться из больницы, я атаковала в-военкомат письмами. Й-я п-писала и п-писала им, ч-чтобы узнать т-твой адрес, но мне н-не отвечали.

– О, господи. – Семен в два шага преодолел разделяющее их пространство. Резко дернул Дуню за руку, та упала ему на грудь. Уткнулась потекшим носом. – Не плачь. Не плачь, слышишь? Это сейчас неважно.

Ага. Черта с два. На самом деле он безбожно врал, чтобы только ее успокоить. Он безбожно, бесстыже врал. Но если бы прямо сейчас ему под руку попал ее чертов папаша,

Краснов бы вытряс из него все дерьмо. Просто потому что некоторые поступки не имеют срока давности.

– Да, да... Наверное. Все же в итоге сложилось, как надо, правда? Ты... стал тем, кем стал. Я тоже... не пропала.

Краснов хмыкнул. Интересно, Дуня сама верила тому, что говорила? Если она переживала те события хотя бы наполовину так остро, как их переживал он сам, ей бы и в голову не пришло нести подобную чушь.

Прерывая самую душераздирающую сцену в его взрослой жизни, у Краснова зазвонил телефон.

– Черт, министр...

– Иди. Я все понимаю. У нас еще будет время поговорить. Я же... никуда не денусь.

– Точно? Я могу перезвонить...

Дуня стряхнула слезы, покачала головой и мягко вытолкала его за дверь. Что ж, возможно, ей тоже нужна была пауза, чтобы справиться с чувствами. Видит бог, сам он не справлялся.

Глава 6

Дуня себя не узнавала. Едва за Семеном закрылась дверь, как она снова заплакала. На этой базе она вообще плакала очень много. Больше, чем когда либо. И если в этих слезах был поначалу лишь дикий страх за свою жизнь, который знаком только тем, кому выпала возможность на собственной шкуре убедиться, насколько эта самая жизнь хрупкая, то потом – жуткое непонимание и обида. Как отец мог так жестоко с ней поступить? Как он мог, видя, что она натуральным образом умирает, продолжать стоять на своем? Как он мог раз за разом повторять, что он предупреждал, что от таких, как Краснов, не стоит ждать ничего хорошего? Что лучшее, что она может сделать – забыть тот год, как страшный сон, и жить дальше. Ведь у нее впереди лучшие годы – годы студенчества, новых знакомств и открытий.

Как... он... мог? И как она в итоге могла поверить, что так оно и есть?

Ей нужно было, нужно было понять, что что-то здесь нечисто. Нужно было каким угодно способом узнать, как связаться с Красновым, и прямо у него спросить – почему он ее бросил?! Видит бог – Дуня пыталась. Но, в конечном счете, отступила, устав биться в закрытую дверь. К тому моменту прошел практически год. Она решила, что если бы Семен захотел, то уже бы непременно ее нашел. Тем более что она

оставила свой новый-старый адрес в столице их общим друзьям. А ее телефонный номер Семен и так знал на память. Как и семизначный номер в аське.

День, когда она решила обо всем забыть и двигаться дальше, Дуня помнила, как вчера. В мельчайших подробностях. Они болтали с Мариам, их общей с Семеном подружкой, по телефону. Та как раз родила своего первенца, и Дуня позвонила, чтобы ее поздравить. Поздравила. Поболтали, обмениваясь последними сплетнями. Точнее как? Дуня по большей части слушала, у нее самой за этот год мало что произошло. Да, поступила, да, отучилась два семестра, да, папа ее пристроил в отличное место на время практики, где работали лучшие архитекторы, но... Все это будто сквозь нее проходило и не оставляло следа.

– А про Семена? Про него... ничего не слышно? – На том конце разговора повисла неловкая пауза. И это в те годы, когда мобильная связь была еще чудовищно дорогой. – Ты что-то знаешь, да? Мариам! Ну же!

– Он в отпуск приехал. Вчера...

– И?!

– Не знаю, как тебе сказать...

– Говори, как есть!

– Похоже, он считает, что между вами все кончено.

– Из чего ты сделала такие выводы? – стараясь, чтобы ее голос не дрожал, уточнила Дуня.

– Он не один был. Точнее, сначала, конечно, один. А по-

том познакомился с какими-то девчонками у нас в ресторане, ну, ты в курсе, как это бывает.

– Ясно.

– Дунь, мне очень жаль.

– А мне нет. Лучше расскажи, как это – быть мамой. Поверить не могу, что уже и Юлька родила, и ты...

Они тогда перевели тему, и сколько бы ни созванивались потом, надо сказать, все реже и реже, как это в основном всегда и случается, никогда о Семене больше не говорили. Дуня решила, что он ее бросил, забыл... И все. Все на этом закончилось. Умерло. Вот только не ее чувства, нет. О, те еще долго не давали покоя. Умерло что-то внутри. Что-то светлое. То, что заставляет широко улыбаться миру, как бы оно ни было. Наверное, еще год после Дуня приходила в себя. А первое свидание, после Семена, у нее случилось года через два. Ничего, конечно, из этого свидания не вышло. Она на него решилась, скорее чтобы что-то себе доказать, чем потому, что ей реально понравился тот мальчик. По сравнению с Красновым потом, даже спустя годы, остальные мужчины проигрывали всухую. С тем восемнадцатилетним Семеном проигрывали. Что уж говорить о Семене этом?

Дуня поерзала, не находя себе места. Перед глазами возникла картина схватки, невольным свидетелем которой она стала. Это было так же красиво, как и жестоко. У Дуни на расстоянии волосы дыбом встали, и дыхание замерло. А потом вдруг пришло запоздалое понимание – он явно не ря-

довой военный. И речь тут не в звании, хотя и в нем тоже, конечно. Насколько Дуня могла судить, подполковник в тридцать три... это что-то невероятное. А значит, Семен сумел как-то так себя проявить, что взлетел ракетой. Ей было страшно представить, при каких обстоятельствах такое оказалось возможным. Ей даже думать не хотелось о том, где он имел возможность вот так отточить навыки боя. Куда вообще посылают таких спецов, как он. И какие задачи перед ними обычно ставились.

Дуня думала, что первые годы, после их расставания, именно она жила в аду. Но теперь у нее появились на этот счет большие сомнения. Вполне возможно, она ни черта об аде не знает. Глупая... Глупая девочка. Глупая даже теперь, в тридцать три.

Ему она, вероятно, тоже кажется глупой.

Нарушая ее покой, пришел доктор. Снова что-то измерил, послушал. Дуня смущенно забормотала о том, как ей неловко отрывать его от работы, Иван Сергеевич беспечно отмахнулся. С утра тот и думать ей запретил о душе, опасаясь, как бы не поднялась температура, а теперь милостиво разрешил водные процедуры. Дуня обрадовалась. И помыться, и снять с себя пропотевшую одежду хотелось невероятно. Но ей не во что было переодеться, если только... Дуня подошла к шкафу, провела пальцами по аккуратно сложенным вещам Краснова. Вытащила из стопки футболку и боксеры. Мысль о том, чтобы их надеть, ужасно неправильно стыдно до сих

пор ее волновала.

– Дуня-Дуня... О чем ты думаешь?!

Нет, понятно... Прошное. Но сейчас?! Каким оно боком к ней? И каким боком к ней Краснов? Все ведь давно забыто. И быльем поросло. Нет, конечно, хорошо, что они все уладили, выяснили, даже правильно. Закрыли гештальт, отпустили обиды и прошное. Значит, теперь можно двигаться дальше. Оставаясь близкими друзьями, например, почему нет? Ведь это так классно – знать, что где-то там у тебя есть человек, друг, на которого всегда можно положиться.

Да что-то все никак не отпустит! Эта вдруг открывшаяся правда грызет, тревожит. Заставляет на стены лезть. И совершенно, ведь совершенно непонятно, что теперь делать? Как искупить вину? Свою... Перед ним. Как самой простить. Отца. Как двинуться дальше, не увязнув в том, что сейчас открылось, как она увязла здесь, в этих стенах, в этом снежном плену?

Дуня сложила чистые вещи на крышке унитаза. Разделась и взглянула на себя в зеркало. Видок у нее был просто кошмарный. Это она отметила еще перед своей вылазкой за пределы квартиры. Лицо – опухшее от слез, в красных пятнах, глаза – как у рыбы, навывкате, от того же... По всему телу синяки, которые кажутся еще более уродливыми, чем могли бы, на ее белоснежной, не знающей солнца коже. А ко всему – двухсантиметровый порез на шее.

– ... Рядом с тобой мне ничего не угрожает.

– Ты ударила сильнее, чем я думал, если действительно так считаешь.

Он ведь не о ее добродетели говорил, ведь так? Нет, на такую ее позариться невозможно. С другой стороны, если чувства остались... Да ну? Спустя пятнадцать лет? Тогда что он имел в виду?

Дуне не давали покоя голоса в голове.

Она встала под душ, включила воду. И едва не завизжала – такой холодной та оказалась. Кое-как отрегулировав кран, она быстро-быстро вымыла голову старым добрым Хеден Шолдерсом и воспользовалась мужским гелем для душа. После растерла тело банным полотенцем непритязательно-го стального цвета. И невольно потянулась к единственному флакону с туалетной водой. Сняла колпачок. Вдохнула. Так странно... Она ничего о нем, взрослом, не знала. Даже какой парфюм он предпочитает. И теперь все эти мелочи – Хеден Шолдерс, Том Форд, полотенце стального цвета, которое он выбирал сам, белье, казались... такими сокрушающе интимными.

– Ой! – Дуня, как воришка, отбросила крышку и устояла на Краснова.

– Здесь было не заперто.

Ч-черт! Для полного счастья ей не хватало, чтобы он подумал, будто она специально эту сцену подстроила.

– Я д-думала, ты не вернешься до вечера.

Хорошо, хоть в полотенце успела завернуться!

– Там у тебя телефон звонит. – Краснов лениво кивнул за спину, не спуская пожирающего взгляда с ее покрытых капельками влаги плеч. Дуня сжала ноги, так остро, так горячо она на этот взгляд реагировала. Тряхнула головой и мышкой протиснулась мимо Семена, который почему-то застыл, как каменный.

– Это отец.

– Не хочешь ответить?

Дуня вскинулась. Покачала головой. Нет... Она пока не знала, что ему скажет. Ничего хорошего на ум не шло. Хотя наверняка у отца были какие-то причины для такого поступка. Но они не оправдывали того, что он с ними, молодыми и горячо друг друга любящими, сделал.

– Пойду, оденусь. Я, кстати, одолжила у тебя вещи. Своих на смену у меня, как ты понимаешь, нет.

– Ни в чем себе не отказывай, – усмехнулся Семен. – Я пока схожу за обедом.

– Извини.

– За что?

– За то, что тебе приходится со мной нянчиться. Да и за отца извини тоже. Мне очень жаль.

– Мне нравится с тобой нянчиться, Дуня, – мягко заметил он и вышел, будто ничего не произошло. Будто это не он буквально только что отправил ее в нокаут своими словами.

Нет-нет, так дело не пойдет. Его присутствие как-то плохо на нее влияет. Дуня быстро переоделась и залезла в телефон,

чтобы узнать прогноз погоды. Нужно было с этим заканчивать, пока все не зашло слишком далеко.

– Что делаешь?

– Пытаюсь отыскать информацию, когда дороги расчищают, но сайт райадминистрации, похоже, лег.

– Хочешь поскорее сбежать?

Краснов поставил перед Дуней тарелку борща. Хлеб, сметану...

– Я хочу как можно скорее вернуться домой. И к работе. У меня распланирован каждый день, и эта ситуация очень некстати. – Дуня решила не вестись на его провокацию.

– Мне нравится, что ты делаешь.

– Правда? – Дуня во все глаза уставилась на Краснова, забыв, что занесла ко рту ложку.

– Ага.

– Я слышала, ты купил участок в нашей деревне...

«Нашей деревней» Дуня называла поселок в горах, который в скором времени их с Юлькой стараниями должен был превратиться в шикарный курорт. У восьми их одноклассников в этой деревне имелись свои участки земли. Родители подарили им к выпускному, решив, что это отличное вложение денег – и не прогадали. После того, как их край выиграл право на проведение Олимпийских игр, цены взлетели просто до небес. И даже после ничуть не упали. Семену же никто таких щедрых подарков в жизни не дарил. Всего в ней он добивался сам. Сам же купил и землю, когда прочно встал

на ноги.

Может быть, он это сделал, чтобы что-то кому-то доказать. Может даже, чтобы что-то доказать себе. Хотя заподозрить в таком нынешнего Краснова было довольно трудно – сейчас он производил впечатление очень самодостаточного, цельного человека. Да и, скорее всего, действительно был таким.

– Да, насколько я знаю, мой участок граничит с твоим.

Ага. Дуня это тоже знала... И даже более того, раздумывая над проектом собственного дома, она склонялась к мысли, что, учитывая особенности рельефа, дом, по-хорошему, нужно было ставить где-то на меже.

– Собираешься построить дом? Знаешь, я могла бы помочь тебе с этим! По-дружески. В качестве жеста примирения.

– Мы с тобой ведь никогда и не ссорились. – Краснов поднял руку и коснулся ее щеки. И будто не стало этих лет... Ничего вообще вокруг них не стало.

– Да, но отец...

– Ты пострадала от него не меньше меня, – отрезал Семен. Не зная, как ей быть, как положить конец окутавшему ее сумасшествию, Дуня деланно-весело засмеялась:

– Я не пойму, ты что, отказываешься от уникального эксклюзивного и, заметь, бесплатного проекта от самой... – Дуня со значением потрясла пальцем в воздухе, – Евдокии Степановой?

– Нет. Нет, я не такой глупец, чтобы отказываться... от чего-либо, – покачал головой Семен, скользнул ладонью дальше, под не успевшие просохнуть волосы, запрокидывая ее голову. И впиваясь жесткими губами в ее нежный, податливый рот.

Глава 7

Факт – не отболело. Факт – не прошло. Факт – он все так же на нее действует, как тогда, когда она, приехав в эти края, впервые его увидела. И все равно, сколько времени прошло с тех пор. Неважно, что сейчас в разгаре зима, а тогда был закат лета. Ей все равно жарко, и нечем дышать...

Будто почувствовав, что она и впрямь вот-вот задохнется, Краснов медленно отстранился, все так же нависая над ней. Дуня сделала жадный вдох и чуть не подавилась ворвавшимся в легкие воздухом, пораженная тем, что увидела в глазах Семена, когда он чуть приподнял отяжелевшие веки. А увидела она в них свою гибель. Проступающую даже сквозь плотный занавес желания и призывной полуулыбки, обещающей ей так много в том чувственном мире, обитателем которого он предлагал ей стать, послав куда подальше законы морали и общества.

– Т-ты не должен был этого делать. Мы... Не должны.

– Вот этого... – его твердые губы коснулись ее подбородка, нежную кожу царапнула жесткая щетина. – Или этого? – горячий рот двинулся дальше, по точеной скуле, к раковине ушка и крайне чувствительному местечку на шее.

– Пожалуйста, прекрати! – взмолилась Дуня, дрожа всем телом.

– Почему? Ты же хочешь этого.

– Нет...

– Точно? Они говорят об обратном.

Краснов коснулся большими пальцами тугих вершинок, натянувших футболку, которую она у него одолжила.

– Это не по-настоящему.

– А как еще? – снисходительно усмехнулся он, сминая распутившиеся бутоны с все возрастающей настойчивостью.

– Это как фантомная боль. Понимаешь? Мы просто по привычке реагируем на то, чего уже давно нет.

– Ты так не чувствуешь. Зачем тогда говоришь глупости?

Дуне хотелось провалиться сквозь землю. Или умереть. Не когда-нибудь абстрактно, а прямо сейчас. Это бы избавило ее от необходимости объяснять ему то, что она по какой-то причине никак не могла сформулировать.

– У каждого из нас давным-давно своя жизнь.

– В которой все то и дело меняется, – философски пожал плечами Краснов.

– Я не хочу, чтобы в моей жизни что-то менялось! – в отчаянии закричала Дуня. Семен сощурился. Будто сканируя, прошелся по ее лицу туда-сюда и снова требовательно обхватил затылок ладонью.

– Самая большая ошибка – думать, будто в этой жизни что-то зависит от твоего «хочу», – шепнул он и вновь набросился на ее губы. Лаская языком, покусывая, то ли рыча, то ли мурча, как огромный изголодавшийся зверь. Заражая

ее этой алчностью и какой-то сумасшедшей нуждой. С тихим всхлипом Дуня приоткрыла рот, углубляя поцелуй, делая значимее происходящее. У нее внутри распускались огненные цветы. Она трепетала. Билась. Вырывала свои руки из захвата его рук и жадными скрюченными пальцами царапала его затылок, предплечья и плечи, бока... Где-то на подкорке заходилась воем сирена – нельзя, нельзя! Звук нарастал и нарастал. До той степени, когда его стало совершенно невозможно игнорировать. Краснов отстранился. Осоловело моргнул...

– Черт. Это у меня. Телефон...

– Так ответь же! – взмолилась Дуня, не понимая толком, радуется ли ее то, что небо вмешалось в происходящее, или все-таки огорчает. На самом деле вообще ничего не понимая.

– Краснов! – рявкнул Семен, приняв вызов. – Что? Хорошо... Иду. Говорю же, буду через минуту!

– Ничего-ничего, – Дуня подняла руки вверх, – не обращай на меня внимания.

– Мы продолжим, когда я вернусь.

Дуня задрожала. Одно только это обещание заставило ее дрожать, да. А едва за Красновым закрылась дверь, как она, спрятав лицо в ладонях, со стоном повалилась на бок. Господи, что за черт? Как такое оказалось возможным? Она ведь замуж выходит. За... муж. И что теперь делать? Бежать! Вот, что первым пришло на ум. Видит бог, справиться с собой на

его территории совершенно невозможно. Дуня была уверена, что наваждение спадет, когда она вернется в свою привычную жизнь. К тем людям, в которых эта самая жизнь для нее теперь и заключается.

Дуня вскочила. Подбежала к окну. Метель прекратилась. Но редкие мохнатые снежинки все еще потерянно порхали в воздухе. Такие же потерянные, как она... А на востоке в проглубе туч проглядывало по-зимнему холодное белое солнце.

Нервы Дуни были на пределе, поэтому, когда у нее зазвонил телефон, она даже вздрогнула. Юлька. Господи, да это же то, что ей сейчас нужно!

– Да, Юль, привет! – чуть громче, чем следовало, прокричала в трубку.

– Дуня?! Ну, слава богу! Ты куда пропала? У нас встреча в обед, а тебя нет. И в гостинице говорят, тебя уже пару дней не видели. Я уж было решила, что с тобой что-то случилось, погодка-то у нас – еще та. Все дороги позаметало. А назавтра обещают плюс.

Выпалив все это на одном дыхании, Юлька замолчала.

– Вот, что позаметало – я в курсе. Мою машину тоже замело. Точнее не так. Ее привалило грудой камней и снега.

– Дуня... Дунечка, с тобой же все хорошо? Ты где сейчас? Давай, я приеду.

– Так ведь дороги замело, – усмехнулась Дуня.

– Тю! Да мне трактор найти – раз плюнуть. Знаешь ли, в положении главы района есть и свои плюсы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.